

В. А. ТОМСИНОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АНГЛИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1640–1660 ГОДОВ

1. Традиционность английского государственного строя, особенности его юридической конструкции. Понятия конституции (constitution) и основных законов (fundamental laws) в английской политической лексике

Государственный строй, существовавший в Англии накануне революции 1640–1660 годов, был традиционным в двояком отношении: во-первых, в силу того, что основы его сложились в давние времена и были незыблемыми в течение нескольких веков, а во-вторых, потому что политические отношения внутри него регулировались в большинстве своем традицией и обычаем.

Этот строй являлся результатом многовекового развития английской государственности. Его главные элементы — институт королевской власти, парламент, королевские суды, система местного самоуправления — сформировались в эпоху «высокого Средневековья»: в XII, XIII и XIV веках. В XVI столетии, в ходе реформ Генриха VIII (1509–1547) и Елизаветы I (1558–1603), они претерпели модернизацию, но при этом сохранили свою традиционную основу. Политическая система, унаследованная королями династии Стюартов — сначала Яковом I (1603–1625) и затем Кар-

лом I (1625–1648¹) от королевской династии Тюдоров, имела переходный характер: средневековые по своему происхождению и феодальные по природе принципы осуществления политической власти смешивались в его рамках с принципами, характерными для государственности Нового времени. Механизмы, предоставлявшие широкие возможности для произвола со стороны королевской администрации, сочетались с конструкциями, которые были способны ограничивать этот произвол. Дальнейшее развитие английской политической системы могло идти при таком положении двумя различными путями: либо в направлении усиления института единоличной королевской власти и соответственно ослабления парламента, а с ним и системы местного самоуправления, либо в русле возрастания значения парламента и органов самоуправления на местах с одновременным ослаблением единоличной королевской власти. Как известно, в действительности осуществился третий — революционный и катастрофический вариант, выразившийся в разрушении исторически сложившегося государственного строя, но это совсем не означает, что он был фатально неизбежен.

Тот факт, что в Англии в 40-е годы XVII века возобладал насильственный, революционный, способ разрешения политических конфликтов, безусловно, свидетельствует о наличии в английском государственном строе указанного времени серьезных слабостей и недостатков. Следует, однако, иметь в виду, что выход английского общества из революционного катаклизма произошел путем восстановления (пусть не во всех, но в основных элементах) именно этого государственного строя. Политическая же история Англии последней четверти XVII — начала XVIII века показала, что государственный строй, существовавший здесь накануне революции 1640–1660 годов и восстановленный по завершении ее, был вполне жизнеспособным и обладал достаточным потенциалом для дальнейшего развития и совершенствования.

В исторической литературе государственный строй Англии начала XVII века определяется, как правило, в качестве «абсолютной монархии» или «абсолютизма». Так, в книге В. В. Штокмар

---

¹ Король Карл I был казнен 30 января 1648 г., если считать по Юлианскому календарю, действовавшему в то время в Англии, и 9 февраля 1649 г. по Григорианскому летоисчислению, принятому тогда в Италии, Португалии, Испании, Франции, Голландии, Брабанте, Фландрии, Баварии, Австрии, Венгрии и в других католических странах.

«История Англии в средние века» период правления Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.) называется «расцветом абсолютизма», «кульминационным пунктом в развитии английского абсолютизма»¹. По мнению историков В. М. Лавровского и М. А. Барга, «английский абсолютизм при первых Стюартах представлял собой упадочную форму феодально-абсолютистской монархии, пытавшейся опереться на аристократию, феодальное дворянство и на англиканскую церковь в борьбе с далеко зашедшими притязаниями буржуазии и нового дворянства»². Революция 1640–1660 годов изображается при этом как выступление английской буржуазии и примкнувшей к ней части обуржуазившегося дворянства (джентри) против феодальной абсолютной монархии³, а общий смысл изменений в английском государственном строе, произошедших на протяжении XVII столетия, видится в переходе от «абсолютной монархии» к монархии «конституционной». «До 1640 года формой правления в Англии, — утверждает во втором томе своей книги «Право и революция» американский историк Гарольд Берман, — была абсолютная монархия, в которой король правил с помощью своего совета и иногда, в случае, когда созывал его, с помощью своего парламента... После 1689 года формой правления была конституционная монархия, в которой парламент собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его совет сохраняли, с согласия парламента, существенную власть, особенно относительно иностранных дел и заморских колоний»⁴. Подобный взгляд на политическую систему, установившуюся в Англии после «славной революции» 1688 года, проводится и в книге «Свобода, порядок и правосудие» историка Джеймса МакКлеллана. По его словам, «принятая система была в действительности ограниченной или конституционной монархией»⁵.

¹ Штокмар В. В. История Англии в средние века. СПб., 2000. С. 169.

² Лавровский В. М., Бург М. А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. С. 180.

³ См., например: История государства и права зарубежных стран. Ч. 2 / Под ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. М., 1999. С. 1. Здесь пишется, в частности, о том, как «английская буржуазия выступила против феодальной монархии» и сумела «одержать победу над абсолютизмом».

⁴ Berman H. J. Law and Revolution, II. The impact of the protestant reformations on the western legal tradition. Harvard, 2003. P. 207.

⁵ McClellan J. Liberty, Order and Justice. An Introduction to the constitutional principles of American government. Third edition. Indianapolis, 2000. P. 30.

На мой взгляд, историки, считающие главным стержнем эволюции английской государственности на протяжении XVII века переход от строя абсолютной монархии к системе монархии конституционной, не обращают должного внимания на юридическую конструкцию государственного строя, существовавшего в Англии в начале XVII века. Данная конструкция не была простой фикцией, лишенной реального политического содержания. В ее правовых формах закреплялась и отражалась действовавшая на практике система институтов государственной власти, совокупность присущих им властных полномочий. Именно поэтому юридическая конструкция государственного строя Англии являлась предметом острых дискуссий между противоборствовавшими политическими группировками. Взаимная борьба этих группировок была во многом схваткой правоведов, фехтованием статьями законодательных актов и юридическими прецедентами. Каждая из конфликтующих сторон искала в сфере права опору своим политическим притязаниям и средства обуздания притязаний своего противника.

Если рассматривать английский государственный строй во всех его вариантах, существовавших на протяжении указанного века, через призму его правовых основ, то нельзя не прийти к выводу о том, что характеристики данного строя как строя «абсолютной монархии» или монархии «конституционной» являются слишком упрощенными и даже бессмысленными.

В настоящее время под конституцией понимается чаще всего документ, в котором сведены воедино правовые нормы, обладающие высшей юридической силой и закрепляющие основы общественного строя и политической системы страны, основные права и свободы граждан. Категория же основных законов обыкновенно используется при этом в качестве синонима понятия конституции.

Вместе с тем понятие конституции нередко употребляется для обозначения совокупности правовых норм, устанавливающих рамки деятельности органов государственной власти и охраняющих права и свободы граждан, а также в том случае, когда они не выражаются в едином документе и не имеют высшей юридической силы по отношению к другим правовым нормам. Так, в современной Великобритании конституционные установления не кодифицированы, не сведены в единый текст или серию документов, тем не менее считается, что и в этой стране есть конституция. По словам Эрика Барендта, британская конституция представляет собой «конституцию, укорененную в общем праве (common law)¹, в том

смысле, что ее фундаментальные принципы, такие как принципы парламентского верховенства и господства права, выражены в судебных решениях (judicial decisions). Подобно решениям (rulings) судов по контракту и причинению вреда, эти решения (decisions) не изложены в кодексе»². Кроме того, данная конституция является «гибкой в том смысле, что отсутствует строгое различие между обычновенным и конституционным законодательством; статуты, имеющие дело с конституционными вопросами, не подчинены какой-либо специальной процедуре внесения поправок и могут быть в принципе легко отменены словесным выражением»³.

Подобные оценки британской конституции дает и правовед Т. Р. С. Эллан, который утверждает в своей книге «Право, свобода и правосудие. Юридические основы британского конституционализма», что «при отсутствии высшего “конституционного” права, провозглашенного в писаной конституции и почитаемого в качестве источника уникального юридического авторитета, принцип господства права служит в Британии формой конституции. Именно в этом основном смысле Британия обладает конституцией, коренящейся в общем праве⁴, идеи и ценности которой, составляющие принцип господства права, отражены и воплощены в обычновенном общем праве (common law)»⁵.

Если на развитие государственного строя Англии в течение XVII века посмотреть с точки зрения выраженного в приведенных высказываниях понимания сущности английской конституции, то станет очевидным, что английская монархия была «конституционной» не только в конце указанного века, но и в самом его начале. Факт наличия у Английского государства конституции или основных законов во времена, предшествовавшие «славной революции» 1688 года, признавали и сами участники революционных событий.

---

¹ Дословно: «This reflects the point that the constitution is a common law constitution».

² English Public Law / Edited by D. Feldman. Oxford, 2004. P. 7.

³ Ibid.

⁴ Дословно: «It is in this fundamental sense that Britain has a common law constitution».

⁵ «In the absence of a higher “constitutional” law, proclaimed in a written Constitution and venerated as a source of unique legal authority, the rule of law serves in Britain as a form of constitution. It is in this fundamental sense that Britain has a common law constitution: the ideas and values of which the rule of law consists are reflected and embedded in the ordinary common law» (Allen T. R. S. Law, Liberty and Justice. The Legal Foundations of British Constitutionalism. Oxford, 1994. P. 4).

28 января/7 февраля 1688/1689 года Палата общин английского парламента, имевшего в тот момент статус Конвента, приняла резолюцию, в которой говорилось, что «Король Джеймс Второй, предприняв попытку ниспровергнуть *Конституцию* этого Королевства путем разрыва Первоначального Договора между Королем и Народом и по совету иезуитов и других злых лиц, нарушил основные законы...» (курсив мой. — В. Т.)¹.

Для обозначения юридической конструкции государственного строя английские политические деятели первых десятилетий XVII столетия использовали различные термины и словосочетания. Так, спикер Палаты общин в своей парламентской речи, произнесенной в присутствии короля Якова I 7 июля 1604 года, говорил о «законах, посредством которых Ковчег этого Правительства когда-либо направлялся»². По его словам, существует три вида таких законов: «во-первых, Common Law, основанное или выведенное из Божественного Права, Права Разума и Естественного Права, являющихся неизменными; во-вторых, позитивное право, основанное, изменяемое и переделываемое с помощью и через посредство случаев и течения времен; в-третьих, обычаи и обыкновения, соблюдаемые и признаваемые опытом времени, при отсутствии знания их истоков»³.

Однако в большинстве случаев юридическая конструкция государственного строя Англии обозначалась терминами «constitution» или «fundamental laws (основные законы)». Правовед и парламентарий Дж. Уайтлок (*James Whitelocke*, 1570–1632), выступая 2 июля 1610 года в Палате общин при обсуждении вопроса о праве короля устанавливать таможенные пошлины (*impositions*) без согласия парламента, заявлял, что подобные действия его величества «противоречат естественному порядку и конституции политики этого

---

¹ «King James the Second, having endeavoured to subvert the Constitution of this Kingdom, by breaking the Original Contract between King and People; and, by the Advice of Jesuits, and other wicked Persons, having violated the fundamental Laws...» (The Journal of the House of Commons. Vol. 10. London, 1802. P. 14).

² «The Laws, whereby the Ark of this Government hath been ever steered» (Journal of House of Commons. Vol. 1. London, 1802. P. 254).

³ «The first, the Common Law, grounded or drawn from the Law of God, the Law of Reason, and the Law of Nature, not mutable; the second, the positive Law, founded, changed and altered by and through the Occasions and Policies of Times; the third, Customs and Usages, practiced and allowed with Time's Approbation, without known Beginnings» (ibid).

королевства, которая представляет собой *Jus publicum regni* (публичное право королевства); и тем самым ниспровергают *фундаментальный закон* королевства и ведут к созданию новой формы государства и правления» (курсив мой. — В. Т.)¹.

О «фундаментальном законе Англии», по которому «парламент является общим советом короля и королевства»², говорил в 1638 году в одной из своих судебных речей судья Королевской Скамьи сэр Роберт Беркли. Этому закону должна была, по его мнению, подчиняться и королевская власть. «Хотя король Англии обладает монархической властью и имеет привилегию высшего достоинства и облечен абсолютным доверием к своей короне и персоне для управления своими подданными, однако его правление должно осуществляться сообразно законам королевства»³, — утверждал он.

Понятия конституции и фундаментальных законов часто использовались в парламентских речах, в политических и правовых документах периода революции 1640–1660 годов. Так, лорд Фольклэнд говорил в своем выступлении на заседании Палаты общин 7 декабря 1640 года о том, что «конституция этого государства установила, или скорее пыталась установить для нас, гарантии сохранности нашего имущества и сохранности тех законов, которые должны охранять нас и наше имущество, посредством назначения для нас судей, постоянных и верных присяге в такой степени, что не может быть никакого гнета»⁴.

---

¹ «...Is against the natural frame and constitution of the policy of this Kingdom, which is *Jus publicum regni*, and so subverteth the fundamental law of the realm, and induceth a new form of state and government» (Parliamentary debates in 1610 / Edited from the notes of a member of the House of Commons by Samuel Rawson Gardiner. London: Camden Society, 1862. P. 103. См. также: Complete collection of state trials and proceedings for high treason and the other crimes misdemeanors from the earliest period to the year 1783 / Ed. T. B. Howell. London, 1816. Vol. 2. P. 481).

² «I confess, that by the fundamental law of England, the Parliament is *commune concilium Regis et regni*» (Extracts from the argument of Sir Robert Berkeley, Justice of the King's Bench // The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. Third edition, revised / Selected and edited by S. R. Gardiner. Oxford, 1906. P. 123).

³ «Though the King of England hath a monarchical power, and hath *jura summae majestatis*, and hath an absolute trust settled in his crown and person, for government of his subjects; yet his government is to be *secundum leges regni*» (ibid. P. 116).

⁴ «The constitution of this Common-wealth, hath stablisht, or rather endeavoured to establish to us, the security of our goods, and the security of those Lawes, which should secure us, and our goods, by appointing for us judges, so settled, so sworne, that

В представленных 25 ноября 1640 года в Палату лордов «Статьях Общин...», в которых формулировалось обвинение графа Страффорда в государственной измене, отмечалось, что он «предательски предпринял попытку ниспровергнуть *Фундаментальные Законы* и Правление Королевств Англии и Ирландии и ввести вместо него произвольное, тираническое и противозаконное Правление» (курсив мой. — В. Т.)¹.

О попытке «ниспровергнуть фундаментальные Законы и Правительство Королевства Англии» шла речь и в статьях по обвинению в государственной измене, выдвинутому королем Карлом I против вождей парламентской оппозиции 3/10 января 1641/1642 года².

В декларации «долгого парламента», принятой 27 мая 1642 года, подчеркивалось, что «согласно Конституции и политике этого королевства, король не может посредством своей прокламации объявлять закон, противоречащий решению и резолюции какого-либо из нижестоящих судов правосудия, еще менее — закон, направленный против Высокого Суда Парламента»³.

Употребляя понятия «конституция» или «основной закон королевства», английские правоведы и парламентарии первых десятилетий XVII века, как правило, не давали им определения. При этом смысловое значение этих понятий не вызывало среди них каких-либо споров.

Иначе и не могло быть — под терминами «constitution» и «fundamental law» английские политические деятели подразумевали не какую-либо конкретную совокупность правовых норм, но common law («общее право»)⁴ Англии.

---

there can be no oppression» (*The Lord Falkland. His Learned Speech in Parliament, in House of Commons, Touching the Judges and the late Lord Keeper. London, 1640. P. 3*).

¹ «Hath traitorously endeavoured to subvert the Fundamental Lawes and government of the Realmes of England and Ireland and instead thereof to introduce an arbitrary and tyrannicall Government against Law» (Depositions and articles against Thomas, Earle of Strafford. Febr. 16. 1640. London, 1640. P. 1. См. также: *Journal of the House of Lords. London, 1802. Vol. 4. P. 97*).

² *The Journal of the House of Lords. Vol. 4. P. 501*.

³ «By the Constitution and Policy of this Kingdom, the King by His Proclamation cannot declare the Law contrary to the Judgment and Resolution of any of the Inferior Courts of Justice, much less against the High Court of Parliament» (*Journal of House of Commons. Vol. 5. London, 1802. P. 113*).

⁴ Словосочетание «common law» в нашей юридической литературе переводится как «общее право». При этом не учитывается, что в Англии помимо этого

2. Common Law как основа английской конституции

Именно common law считал главным юридическим фундаментом своей власти король Яков I. Выступая 21 марта 1610 года на заседании обеих палат английского парламента, его величество говорил о том, что хотя «своим Королевством он не обязан ни какой избранной власти и не зависит от одобрения народа», тем не менее «закон возложил корону на его голову, и он является королем на основании common law страны»¹.

Принципы common law составляли юридическую основу властных полномочий и английского парламента. Об этом говорил, например, в своей парламентской речи 28 июня 1610 года Томас Хедлей (*Thomas Hedley*). По его словам, «власть и полномочия парламента проистекают из common law, а не common law — от парламента. И поэтому common law обладает большим влиянием и силой, чем парламента»².

Идея о common law как фундаменте, на котором строилась организация и деятельность английского парламента, проводилась также авторитетным правоведом Эдуардом Куком³ (*Edward Coke*,

---

«общего права» (common law) действовало еще одно «общее право» — *ius commune*, представлявшее собой амальгаму средневекового римского и канонического права. Оно применялось в практике церковных судов и судов справедливости (courts of equity). До второй половины XVIII в. именно его преподавали в английских университетах. По словам Р. Х. Гельмхольца, «влияние общего права (*ius commune*) в Англии не ограничивалось университетскими факультетами или трибуналами специальной юрисдикции. Оно было известно и применялось в разнообразии способов и ситуаций юристами common law и правительственными чиновниками» (*Helmholz R. H. The ius commune in England: four studies. Oxford: University press, 2001. P. 4*).

¹ «The lawe did set the Crowne upon his head, and he is a King by the common lawe of the land» (Parliamentary Debates in 1610 / Edited by S. R. Gardiner. London, 1862. P. 24).

² «The parliament hath his power and authority from the common law, and not the common law from the parliament. And therefore the common law is of more force and strength than the parliament» (Proceedings in Parliament, 1610. 2 Vols / Edited by Elizabeth Read Foster. New Haven: Yale University Press, 1966. Vol. 2. P. 174).

³ Имя Э. Кука впервые встречается в документах английского парламента за 1592 год. На заседании Палаты лордов 22 февраля указанного года он был утвержден королевой Елизаветой в должности спикера Палаты общин. Речь Э. Кука на данном заседании так понравилась Ее Величеству, что, сообщая ей через посредство лорда-хранителя Большой печати о своем согласии на занятие

1552–1634). В предисловии («To the Reader») к девятой части своих «Reports», напечатанных в 1613 году, он — в то время Главный судья Суда общих тяжб — отмечал, что парламент, выступающий в качестве высшего суда Английского королевства, «является частью структуры, установленной нормами common law, и в некоторых случаях действует законным образом согласно обыкновённому порядку common law, как это показывает статут, принятый в 39 год правления Эдуарда III¹»².

Повышению значения common law в качестве регулятора политических отношений в английском обществе весьма способствовала доминировавшая в среде английских правоведов и политических деятелей доктрина, согласно которой его принципы, определявшие статус и prerogatives королевской власти, полномочия и привилегии парламента, а также нормы, закреплявшие права и свободы подданных Английского королевства, возникли, развивались и изменялись независимо от какой-либо государственной власти.

Подобная оценка принципов и норм common law проистекала из понимания его как обычая, зародившегося в незапамятной древности и основанного на разуме. Именно такое понимание общего права выражал в 1610 году в своей парламентской речи Томас

им этой должности, она одновременно выразила благодарность Палате общин «за сделанный удачный выбор — избрание на должность спикера подходящего человека» (A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the Hoyses of Lords and Hoyses of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 459). С тех пор во всех журналах Палаты лордов и Палаты общин английского парламента этот правовед выступает под именем Edward Cooke. Очевидно, что на русском языке это имя должно произноситься как Эдуард **Кук**. В современной английской историко-правовой литературе оно пишется как E. Coke. Соответственно его надлежало бы произносить по-русски как **Коук**. Однако в русской литературе этот правовед почему-то называется Коком. Я решил возвратиться к тому произношению его имени, которое было принято при его жизни.

¹ То есть в 1365 г.

² «This Court, being the most supreme Court of this Realm, is a part of the Frame of the Common Laws, and in some Cases doth proceed legally according to the ordinary Course of the Common Law, as it appeareth in 39 Ed. 3, fol.» (The Ninth Part of the Reports of sir Edward Coke Kt. Chief Justice of the Common Pleas. London, MDCCXXVII (1727). To the Reader). В предисловии «К читателю», предворяющем основной текст названного произведения Э. Кука, отсутствует нумерация страниц.

Хедлей. «Common law — это разумный обычай, действующий во всем королевстве, испытанный временем, запечатленный в записи королевского суда, обладающего юрисдикцией по всему королевству, призванный нести добро и выгоду для государства»¹, — говорил он. «Common law Англии, — писал в 1615 году правовед Джон Дэвис (*John Davies*, 1569–1626)², — есть не что иное, как общий обычай королевства... И это обычное право является наиболее совершенным и самым превосходным и, без сравнения, лучшим для того, чтобы создавать и сохранять государство. Ибо писанные законы, созданные эдиктами монархов, или государственными советами, налагаются на подданного до того, как осуществлены какая-либо судебная процедура или испытание, и до того, как эти законы покажут себя подходящими и соответствующими природе и характеру народа, или будут вызывать неудобства. Однако обычай никогда не становится законом, обязывающим народ, до тех пор, пока он не будет испытан и проверен мудростью времени, и поэтому в течение всего этого времени он не порождает никакого неудобства: так как если в какое-либо время оно обнаружится, он не будет более применяться, но его действие прервется, и он соответственно утратит достоинство и силу закона»³.

---

¹ «The common law is a reasonable usage, throughout the whole realm, approved time out of mind in the king's court of record which have jurisdiction over the whole kingdom, to be good and profitable for the commonwealth» (Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 175).

² В 1603–1606 гг. Дж. Дэвис занимал должность генерального солиситора (solicitor-general), в 1606–1619 гг. он был генеральным атторнеем (attorney-general) по Ирландии.

³ «The common law of England is nothing else but the common custom of the realm... And this customary law is the most perfect and most excellent, and without comparison the best to make and preserve a commonwealth. For the written laws which are made either by the edicts of princes, or by councils of state, are imposed upon the subject before any trial or probation [is] made, whether the same be fit and agreeable to the nature and disposition of the people, or whether they will breed any inconvenience or not. But a custom does never become a law to bind the people until it has been tried and approved time out of mind, during all which time there did thereby arise no inconvenience: for if it had been found inconvenient at any time, it had been used no longer, but had been interrupted, and consequently it had lost the virtue and force of a law» (*Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adiudges en les Courts del Roy en Ireland // Divine right and democracy. An Anthology of political Writing in Stuart England / Edited by D. Wootton. London, 1986. P. 131*).

Содержание журналов Палаты лордов и Палаты общин английского парламента показывает, что характеристика common law как права обычного считалась само собой разумеющейся. Томас Уэнтворс¹ (*Thomas Wentworth*, 1593–1641) в своем выступлении на заседании Палаты общин 15 декабря 1621 года высказывал как истину, не требующую доказательств: «Common law является обычаем в самом себе»².

Как право обычное и вместе с тем древнее представлял английский common law в своих трудах и правовед Эдуард Кук. В обращении к «ученому читателю», предворяющем вторую часть его «Reports», он писал: «Есть (говорит Еврипид) три добродетели, заслуживающие, чтобы мы думали о них: чтить Бога, наших родителей, давших нам жизнь... и общие законы Греции; подобное я говорю и тебе (добрый читатель): следующим после обязанности и почтения к Богу и его помазаннику, милостивому суверену, и уважения к родителям стоит должное почтение и повиновение к общим законам Англии: так как из всех законов (я говорю о человеческих) эти являются наиболее пригодными и наиболее определенными, величайшей древности»³. Взгляд на common law как на *право обычное* предполагал и понимание его как древнего, в то же время представление о нем как о *праве древнем* было связано с его трактовкой как обычного права. Эти две характеристики common law позволяли, в свою очередь, назвать его основанием *разум*.

Такое понимание common law выражал еще английский барристер конца XV — начала XVI века Кристофер Сэнт-Герман (*Christopher Saint-German*, около 1460–1540). В написанном в 1518 году произведении «Доктор и студент, или Диалоги между доктором теоло-

---

¹ Граф Страффорд с января 1640 г.

² «The Common Law a Custom in itself» (The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 1. P. 665).

³ «There are (saith Euripides) three virtues worthy our meditation: to honour God, our parents who begat us... and the common laws of Greece; the like do I say to thee (gentle reader) next to thy duty and piety to God, and his anointed, thy gracious sovereign, and thy honour to thy parents yield due reverence and obedience to the common laws of England: for of all laws (I speak of human) these are most equal and most certain, of greatest antiquity» (*Coke E. The Second Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt., His Majesty's Attorney-General // The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In thirteen parts. In six volumes. Vol. 1: Parts I–II. London, 1826. P. V*).

гии и студентом, изучающим право Англии» он отмечал, в частности, что «первое основание права Англии составляет право разума»¹, которое существует как «в этом королевстве, так и во всех других королевствах». Под разумом Кристофер Сент-Герман мыслил в данном случае *естественный* разум, неизменный и связанный с законами природы. При этом он выделял в праве разума две степени: «право разума первичного (the law of reason primary)», устанавливавшее основополагающие нормы человеческого общества (запреты на убийство, лжесвидетельство, обман, нарушение мира и т. п.), и «право разума вторичного (the law of reason secondary)», которое, в свою очередь, делил на «право вторичного разума общее» и «партикулярное»². По словам К. Сэнт-Германа, «право разума вторичного общее основывается и происходит из общего права, или общего обычая собственности»³, поскольку «право собственности обыкновенно охраняется во всех странах», «право вторичного разума партикулярное составляет право, которое происходит от различных общих и партикулярных обычаев и от различных правил поведения и статутов, предписанных в этом королевстве»⁴.

Английские правоведы начала XVII века представляли common law в качестве воплощения *искусственного* разума. «Эффективным основанием норм, мотивов и аксиом, — писал правовед Джон Доддеридж (*John Dodderidge*, 1555–1628), — является свет естественного разума, испытанного и просеянного дискуссией и аргументацией. И отсюда оказывается, что право (как это было объявлено прежде) называется разумом; не тем разумом, который каждый человек носит в себе, но искусственным разумом; таким разумом, который посредством ума, обучения и долговре-

---

¹ «The first ground of the law of England is the law of reason» (*Saint-German Ch. The Doctor and Student, or Dialogues between a doctor of divinity and a student in the laws of England, containing the grounds of those laws, together with questions and cases concerning the equity thereof* / Revised and corrected by William Muchall. Cincinnati, 1874. P. 12).

² Ibid. P. 12–13.

³ «The law of a secondary reason general is grounded and derived of the general law, or general custom of property» (ibid. P. 13).

⁴ «The law of reason secondary particular is the law that is derived of divers customs general and particular, and of divers maxims and statutes ordained in this realm» (ibid).

менной практики становится искусным в делах людей...»¹. Из приведенного высказывания явствует, что Джон Доддеридж смотрел на естественный разум как на сырьевой материал, из которого профессиональные юристы получают с помощью специальных приемов разум искусственный, составляющий, по его мнению, настоящее основание common law.

В свою очередь, истоки естественного разума Джон Доддеридж усматривал в законах природы и в общих обычаях Английского королевства².

С искусственным разумом связывал common law Англии и правовед Эдуард Кук. В первой части своих «Институтов», опубликованной впервые в 1608 году, он писал о том, что «разум есть жизнь права, более того, common law само по себе есть не что иное, как разум, добытый долгим изучением, наблюдением и опытом, а не естественным разумом каждого человека, так как nemo nascitur artifex (никто не рождается ремесленником). Этот правовой разум est summa ratio (является высшим разумом). И поэтому, если весь разум, рассеянный по многим различным головам, соединить воедино, разве не может он создать такое право, как право Англии, так как посредством длинной череды столетий он был улучшен и усовершенствован множеством авторитетных и ученых людей, и через долговременный опыт достиг такого совершенства для управления этим королевством, что этим можно справедливо подтвердить старинное правило “Neminem oportet esse sapientiores legibus”: “Ни один человек не способен (своим собственным частным разумом) быть умнее, чем право, которое есть совершенство разума”»³.

---

¹ «The efficient cause of Rules, Grounds, and Axiomes is the light of natural reason tried and sifted upon disputation and argument. And hence is it, that the Law (as hath bin before declared) is called reason; not for that every man can comprehend the same; but it is artificiall reason; the reason of such, as by their wisdom, learning, and long experiences are skilfull in the affaires of men...» (*Dodderidge J. The English Lawyer. Describing a method for the managing of the Lawes of this Land. And expressing the best qualities requisite in the Student Practizer Judges and Fathers of the same.* London, 1631. P. 242).

² «A Rule or Principle of the Law of England, is a Conclusion either of the Law of Nature, or derived from some generall custome used within the Realme, containing in a short summe the reason and direction of many particular and speciall occurrences» (ibid. P. 153–154).

³ «Reason is the life of the Law, nay the common Law it selfe is nothing else but reason, which is to be understood of an artificiall perfection of reason, gotten by long

Трактовка common law как права, базирующегося на искусственном, а не на естественном разуме, давала Эдуарду Куку возможность обоснованно возражать против присвоения королем судебных полномочий. В 1607 году на конференции королевских судей и членов Тайного совета между королем Яковом I и Э. Куком возник спор по вопросу о том, имеет ли король правомочие самолично решать дела на основании common law. Яков I говорил, что он обладает таким правомочием, поскольку право, как ему думается, «основано на разуме, а он и другие люди обладают разумом в такой же мере, как и судьи»¹. Эдуард Кук отвечал на это, что Бог действительно одарил его величество блестящими знаниями и великими природными талантами, «однако его величество не учен в законах своего Английского королевства и в делах, которые касаются жизни, или наследования, или вещей, или благосостояния своих подданных; они не должны решаться с помощью естественного разума, но лишь посредством искусственного разума и судебного решения по закону, который представляет собой акт, требующий долговременного изучения и опыта прежде, чем человек сможет достичь его знания»².

Сходный с воззрениями Эдуарда Кука взгляд на common law имел Томас Хедлей. В парламентской речи, произнесенной 28 июня

---

study, observation, and experience, and not of every man's naturall reason, for, Nemo nascitur artifex. This legall reason, est summa ratio. And therefore if all the reason that is dispersed into so many severall heads were united into one, yet could he not make such a Law as the Law of England is, because by many successions of ages it hath been fined and refined by an infinite number of grave and learned men, and by long experience growne to such a perfection, for the government of this Realme, as the old rule may be justly verified of it, Neminem oportet esse sapientiores legibus: No man (out of his owne private reason) ought to be wiser than the Law, which is the perfection of reason» (*Coke E. The First Part of the Institutes of the Laws of England. Or A Commentary upon Littleton, not the name of the Author only, but of the Law it selfe. The Fifth Edition, corrected. London. Anno 1656. P. 97b*).

¹ The Twelfth Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt. Of divers resolutions and Judgements, given upon solemn Arguments, and with great Deliberation and Conference with the Learned Judges in Cases of Law, The most of them very Famous, beeng of the King especial Reference from the Council Table, Concerning the Prerogative. The second edition. London, 1677. P. 64.

² «But his Majesty was not learned in the Laws of his Realm of England, and causes which concern the life, or inheritance, or goods, or fortunes of his Subjects; they are not to be decided by naturall reason but by the artificial reason and judgment of Law, which Law is an act which requires long study and experience, before that a man can attain to the cognizance of it» (*ibid*).

1610 года, он определил это право как «разумный обычай, действующий во всем королевстве, испытанный временем, запечатленный в записи королевского суда, обладающего юрисдикцией по всему королевству, призванный нести добро и выгоду для государства»¹. После этих слов Хедлей заметил: поскольку обычай есть часть его определения common law, он не ошибется, если смешает это право с обычаем, «которые различаются так же, как искусственный разум и голые прецеденты»². При этом он выразил мнение о том, что «недостаточно сказать о [common law] как о голом разуме, но оно должно пройти проверку разумом, то есть лучшим разумом или квинтэссенцией разума — разумом, испытанным и признанным мудростью времени, непрерывными в течение многих веков благом и выгодой для государства»³.

Томас Хедлей, так же как и Эдуард Кук, мыслил common law в качестве феномена, соединяющего в себе искусственный разум и обычай. Однако если Э. Кук представлял обычай, составлявший ядро common law, неизменным, то, по мнению Т. Хедлея, данный обычай должен был меняться с течением времени.

Близкой к воззрению Томаса Хедлея на common law была точка зрения правоведа Джона Дэвиса.

Понимание common law как права обычного давало основание для придания ему высшей юридической силы по отношению к актам английского парламента. «Когда наши парламенты, — отмечал Джон Дэвис, — исправляли или изменяли какие-либо фундаментальные особенности common law, эти исправления оказывались на практике столь неудобными для государства, что common law на деле опять восстанавливалось в тех же самых особенностях в последующие века посредством других парламентских актов»⁴.

¹ «I will now define it thus: the common law is a reasonable usage, throughout the whole realm, approved time out of mind in the king's court of record which have jurisdiction over the whole kingdom, to be good and profitable for the commonwealth» (Proceedings in Parliament, 1610. Vol. 2. P. 175).

² «But here because I must make custom a part in my definition of the common law, I would not be mistaken, as though I meant to confound the common law with custom, which differ as much as artificial reason and bare precedents» (ibid).

³ «it is not enough to say [common law] to be barely reason, but it must be tried reason, that is, the best reason or the quintessence of reason, reason tried and allowed by the wisdom of time for many ages together to be good and profitable for the commonwealth» (ibid).

⁴ «When our parliaments have altered or changed any fundamental points of the common law, those alterations have been found by experience to be inconvenient for

Подобно Т. Хедлею, Дж. Дэвис считал обычай, составлявший содержание common law, воплощением искусственного разума, и признавал необходимость его изменения с течением времени.

Современный английский историк Гленн Бёргесс, проанализировав взгляды Эдуарда Кука, Томаса Хедлея и Джона Дэвиса на common law, пришел к выводу о том, что последним словом в своей концепции этого права они считали не обычай, а разум, поскольку были убеждены, что «никакой обычай не мог сделать закон действительным, если он находился в конфликте с разумом; обычай был средством открытия рациональных принципов, или аксиом, а не альтернативы им»¹. На самом деле, определить, какому из двух элементов common law — разуму или обычаю — названные правоведы придавали большее значение, совершенно невозможно. Основой английского common law они считали, с одной стороны, лишь тот разум, который воплощался в обычае, а с другой стороны, только такой обычай, который нес в себе разумные правила поведения. Не случайно Томас Хедлей называл это право «разумным обычаем (reasonable custom)».

Привязывая разум, рассматривавшийся в качестве основополагающего элемента common law, к обычаю, который всегда является в силу самой своей природы творением не одного какого-либо человека, но многих людских поколений, английские правоведы создавали тем самым доктринальные предпосылки для трактовки английского common law как совокупности принципов и норм, возникшей и развивающейся независимо от верховной государственной власти. В свою очередь, именно стремление представить common law в качестве самодовлеющей правовой системы — явления, над которым нет суверена — побуждало английских правоведов первых десятилетий XVII века описывать его в понятиях искусственного разума и обычая. Очевидно, что такое описание было слишком умозрительным, оно не отражало подлинной истории возникновения и развития common law и не раскрывало истинной

---

the commonwealth, as that the common law has in effect been restored again, in the same points, by other acts of parliament in succeeding ages» (*Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adjudges en les Courts del Roy en Ireland // Divine right and democracy. An Anthology of political Writing in Stuart England. P. 132*).

¹ *Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. London, 1992. P. 53.*

его сущности. С этой точки зрения английские правоведы выступали в своих высказываниях, посвященных common law, в большей степени как **идеологи**, нежели **ученые**.

Эта оценка особенно справедлива, на мой взгляд, по отношению к Эдуарду Куку, который старался провести в своих произведениях идею о том, что разумные обычаи, составившие основу common law, установились в незапамятные времена и с тех пор на всем протяжении истории Англии оставались неизменными. Для подтверждения приведенной мысли Э. Кук ссылался на замечание Джона Фортеस्कю (*John Fortescue*, ок.1390–1400 — после 1476), сделанное им в семнадцатой главе книги «*De Laudibus Legum Angliæ* (Похвала законам Англии)». Отметив, что Английское королевство было в первый раз заселено бриттами (Britons), впоследствии же управлялось римлянами, потом опять бриттами, за ними королевством владели саксонцы, после саксонцев — датчане и, наконец, пришли нормандцы, чьи потомки управляют Англией и по настоящее время, Фортеस्कю заявлял далее: «В течение всего этого времени, в которое доминировали несколько народов и их короли, *Англия* управлялась тем не менее такими же обычаями, какие действуют в настоящем»¹. Однако, мысль о неизменности обычаев, составлявших содержание common law, совсем не выражала истинного убеждения Э. Кука. Он неоднократно писал в своих произведениях об английском common law как о результате деятельности множества «авторитетных и ученых людей», которые на протяжении «длинной череды столетий» улучшали и совершенствовали его². А такая характеристика common law явно подразумевала понимание его в качестве права, которому присуща изменчивость.

О том, что английское common law на протяжении столетий постоянно менялось, писали во времена Эдуарда Кука многие правоведы. Так, в 1616 году Джон Селден (*John Selden*, 1584–1654)

---

¹ *Fortescue J.* Commendation of the Laws of England / Translation into English of “*De Laudibus Legum Angliæ*” by Francis Grigor. London, 1917. P. 27. Эдуард Кук цитирует приведенное высказывание Джона Фортеस्कю в предисловии к шестой части своих «*Reports*». См.: The Six Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt. // The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In thirteen parts. In six volumes. Vol. 3. Parts V–VI. London, 1826. P. IV–V.

² См.: *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Laws of England. Or A Commentary upon *Littleton*, not the name of the Author only, but of the Law it self. The Fifth Edition, corrected. London. Anno 1656. P. 97b.

обращал внимание на этот непреложный исторический факт в своих «Заметках на “Похвалу законам Англии” Сэра Джона Фортеस्कью (Notes on Sir John Fortescue De Laudibus Legum Angliae)». Как постоянно развивавшееся явление Селден представлял английское common law и в других своих работах¹. Подобный взгляд на это право проводили в своих трудах многие английские правоведы XVII века. Однако Эдуард Кук продолжал проповедовать идею его неизменности. Очевидно, что он сознательно искажал истинную сущность common law.

Подобным же образом искажалась и сама история common law. В предисловии к третьей части «Reports» Эдуард Кук утверждал, что, по его мнению, «достаточно доказано, что законы Англии обладают намного большей древностью, чем та, о которой сообщается, и которой обладают конституции или имперские законы римских императоров»². Английский правовед не мог не понимать, что допускает в данном случае слишком большое преувеличение.

Искажением истинной сущности common law было и понимание его в качестве права, проистекающего из божественных и природных законов. Спикер Палаты общин Ричард Онслоу (*Richard Onslow*) говорил в 1566 году в своем выступлении в парламенте о том, что common law Английского королевства «основано на законах Божьих и Природных», и «является не низшим, а скорее высшим, и более беспристрастным, чем какое-либо другое право». «Потому что, — пояснял он, — наше common law, хотя и предусматривает для монарха много монарших прерогатив и привилегий, не является таким, что монарх может брать деньги или другие вещи, или делать, что хочет по своей воле без соблюдения порядка»³.

---

¹ См. об этом: *Burgess G.* The Politics of the Ancient Constitution. P. 63–67.

² «I think it is sufficiently proved that the laws of England are of much greater antiquity than they are reported to be, and than any the constitutions or laws imperial of Roman Emperors» (The Third Part of the Reports of Sir Edward Coke, Knt., Her Majesty's Attorney-General // The Reports of Sir Edward Coke, Knt. In English, in thirteen parts complete; with references to all the ancient and modern books of the law. Vol. 2. London, 1777. P. Xb).

³ A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, both of the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elizabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simond Dewes, Baronet. Published by Paul Bowes, of the Middle-Temple Esq. London, 1693. P. 115.

Сэр Эдуард Фелипс, занимавший в 1603–1611 годах должность спикера Палаты общин, называл в своей парламентской речи 7 июля 1604 года три вида права, посредством которого «управляется корабль этого государства (commonwealth)». На первое место он ставил «common law, основанное или проистекающее из Божественного Права, Права Разума и Права Природы, не подверженых изменениям»¹.

Сознательно распространяя искаженные представления об истории и сущности common law — своего рода миф этого права — английские правоведы первых десятилетий XVII века утверждали тем самым незыблемость и верховенство его принципов в юридической конструкции государственного строя Англии. Common law объявлялось на основании этих представлений лучшим по своим качествам, более пригодным для регулирования взаимоотношений подданных с государственной властью и различных государственных органов между собой, чем какое-либо другое право. Джон Дэвис писал в 1615 году в своей книге «Первый отчет о юридических случаях и делах, по которым вынесены решения и приговоры в Королевских судах в Ирландии»: «Когда наши парламенты исправляли или изменяли какие-либо фундаментальные особенности common law, эти исправления оказывались на практике столь неудобными для государства, что common law на деле опять восстанавливалось в тех же самых особенностях в последующие века посредством других парламентских актов»².

Помимо норм common law в качестве регулятора политических отношений в Англии применялись в отдельных случаях принципы ius commune³ и правила, установленные статутами. Однако именно common law придавало юридической конструкции государ-

---

¹ «The Common Law, grounded or drawn from the Law of God, the Law of Reason, and the Law of Nature, not mutable» (The Journals of the House of Commons. Vol. 1. P. 254).

² «When our parliaments have altered or changed any fundamental points of the common law, those alterations have been found by experience to be inconvenient for the commonwealth, as that the common law has in effect been restored again, in the same points, by other acts of parliament in succeeding ages» (Davies J. Le Primer Report des Cases et Matters en Ley Resolues et Adjudges en les Courts del Roy en Ireland. P. 132).

³ По словам Р. Х. Гельмхольца, «ius commune в течение длительного времени использовался в случаях, когда возникала нужда разрешить вопросы конституционного значения и дипломатической важности. Например, коронационная присяга, принимавшаяся английскими монархами, формировалась частью тем,

ственного строя Англии устойчивый характер. Его нормы составляли в данной конструкции правовые ценности, которые признавались всеми политическими группировками английского общества. Речи, произносившиеся на заседаниях английского парламента, а также принимавшиеся его депутатами документы показывают, что и король, и стоявшие в оппозиции к нему парламентарии были едины в стремлении сохранять традиционные, сложившиеся в эпоху Средневековья и закрепленные в *common law* начала государственного строя Англии.

В условиях, когда в английском обществе отсутствовало то, что в настоящее время называется публичным правом, то есть система правовых норм, в которых четко определяются прерогативы королевской власти, полномочия парламента и других государственных органов, *common law* становилось главным инструментом защиты индивидов от произвола государственной власти. Оно содержало нормы, закреплявшие гарантии личной и имущественной неприкосновенности английских подданных. Наиболее известные и авторитетные среди таких норм были провозглашены в «Великой Хартии Вольностей» — в статуте, который считался неотъемлемой частью *common law*. Э. Кук писал в своем комментарии к этому документу, что «он был в большей своей части декларацией главных оснований фундаментальных законов Англии»¹.

Для того чтобы *common law* могло эффективно выполнять функцию защиты английских подданных от произвола государственной власти, необходимо было предотвратить такое вмешательство короля и парламента в сферу этого права, которое приводило бы к разрушению его основополагающих принципов и норм. Этой задаче и призван был служить созданный английскими правоведами миф о том, что *common law* является по своей сущности

что находилось в *ius commune*, и к тому же самому источнику права обращались, в конечном счете, для решения задачи оправдания свержения английского монарха с престола. Политическая мысль испытывала, таким образом, влияние того, что могло быть извлечено из него. *Ius commune* имело также значение в ведении иностранных дел» (*Helmholz R. H. The ius commune in England: four studies. P. 4*).

¹ «It was for the most part declaratory of the principall grounds of the fundamentall Laws of England» (The Second part of the Institutes of the Laws of England: containing the Exposition of many ancient, and other statutes. The sixth edition. London, MDCLXXXI (1681). A Proeme to the Second Part of the Institutes). В данном издании отсутствует нумерация страниц в предисловии (*proeme*) к основному тексту.

обычным правом, что оно возникло до нормандского завоевания, а развивалось и функционировало исключительно благодаря усилиям профессиональных юристов, а не королей.

Конституционное значение common law выражалось, таким образом, преимущественно в том, что его принципами и нормами очерчивалась сфера общественной жизни, в которую королевская власть вмешиваться не могла.

Любопытно, что границы такой сферы являлись в значительной степени неопределенными. Но эта их неопределенность имела свой смысл. Если бы все права и свободы английских подданных были четко определены, то королевская власть имела бы больше легальных возможностей для произвольных действий. Крепость, построенная на границе какого-либо государства, может быть в высшей степени неприступной, но это совсем не означает, что она надежно охраняет территорию этого государства. Для вторжения в его пределы совсем необязательно брать крепость штурмом, вполне возможно просто обойти ее стороной.

3. Институт королевской власти: king-in-parliament и rex solus (king out of parliament).

Парламент как институт политической власти

Государственный строй, существовавший в Англии в первые десятилетия XVII века, имел организацию, которая вполне могла обеспечивать соблюдение интересов всех основных социальных групп. Она предполагала компромисс, с одной стороны, между различными политическими группировками в системе центральной власти, с другой стороны, между ними и теми группировками, которые держали власть на местах — в графствах. Необходимость поддерживать такой компромисс была заложена в самой конструкции верховной государственной власти, сложившейся в Англии к началу XVII века. Данная власть, хотя и обозначалась древнегреческим по своему происхождению термином «monarchy (монархия)», подразумевавшим единоличный, единодержавный характер правления, имела в качестве своего носителя не одно лицо — персону монарха, но систему политических институтов. Король, являвшийся главным элементом этой системы, выступал в ее рамках, с одной стороны, как самостоятельный властный орган — king

solus, с другой стороны, в соединении с парламентом — как король-в-парламенте (king-in-parliament). При этом подразумевалось, что именно в слиянии с полномочиями парламента королевская власть является высшей. Генрих VIII говорил на 34-м году своего правления парламентариям: «Мы информированы нашими судьями о том, что ни в какое время мы не стоим столь высоко в своем Королевском Статусе, как во время [сессии] Парламента, где мы, как Глава, и вы, как Члены, соединяемся и сливаемся в одно Политическое Тело»¹. Эти слова английского короля приводил в 1637 году в своей защитительной речи перед судьями Палаты казначейства (the Exchequer-Chamber) по делу Джона Хэмпдена (ship-money case) правовед Оливер Сэнт Джон (*Oliver St. John*, 1598–1673). «Декларация их, — пояснял он при этом, — показывала таким образом, что это было собственное мнение короля, согласно которому он ни в какое время не стоял столь высоко в своем статусе, как во время парламента»².

Мысль о том, что высшая власть воплощалась в Англии не в институте единоличной королевской власти, но в короле, действующем в соединении с парламентом, высказывал в 1610 году в своем выступлении в парламентских дебатах по проблеме налогов правовед Джеймс Уайтлок (*James Whitelocke*, 1570–1632). Он подчеркивал, в частности, что в Англии «суверенная власть пребывает, по общему согласию, в короле: но в короле есть двойная власть; одна — в парламенте, когда ему содействует согласие всего государства; другая — вне парламента, когда он один и единственный, руководствующийся только собственной волей. И если из этих двух властей в короле одна более великая, чем другая, и

---

¹ «We being informed by our judges, that We at no time stand so highly in our Estate Royal, as in the time of Parliament, wherein we as Head, and you as members, are conjoined and knit together into one body politick» (Proceedings in the Case of Ship-Money, between the King and John Hampden Esq., in the Exchequer, 1637. 13. Car. I // A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours; from the Reign of King Richard II to the Reign of King George II. In six volumes. The third edition, with additions. London, M. DCC. XLII (1742). Vol. 1. P. 518). См. об этом также: *Bibliotheca Politica: or a Discourse by way of Dialogue, whether the King be the Sole Supream Legislative Power of the Kingdom; and whether our Great Councils, or Parliaments, be a Fundamental Part of the Government, or else proceeded from the Favour and Concessions of former Kings.* London, 1692. P. 345.

² A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours. Vol. 1. P. 518.

может направлять и контролировать другую, то есть является *suprema potestas*, верховной властью, а другая — *subordinate*, тогда будет легко доказать, что власть короля в парламенте более великая, чем его власть вне парламента, она и направляет и контролирует последнюю»¹.

Как истинно высшую власть представлял власть короля-в-парламенте депутат Палаты общин Джордж Дигби (*George Digby*, 1612–1677). «Истина, сэр, — говорил он в своей парламентской речи 19/29 января 1640/1641 года², — заключается в том, что Король *Англии* никогда не стоит в своей славе, в своем величии, в своем Величественном Суверенитете так, как в *парламентах*. Где полномочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать в правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер *спикер*. Но как? В короле, окруженном, укрепленном и усиленном его *Парламентом*. Король вне *парламента* имеет ограниченную, очерченную юрисдикцию. Но сопровождаемый своим *парламентом* — ни один монарх Востока не является столь абсолютным в рассеивании недовольства»³.

Английский парламент в соответствии с таким пониманием верховной государственной власти считался политическим органом, включавшим в себя не только лордов духовных и светских с представителями графств (общин), но и короля. Данное воззрение проводилось, в частности, в трактате английского теолога Ричарда Хукера (*Richard Hooker*, 1553–1600) «О законах церковной политики». В восьмой книге этого произведения, опубликованной уже после смерти автора, говорилось, что парламент Англии «состоит из короля и всех тех, кто ему подчинен: так как все они представ-

¹ Цит. по: *Holdsworth W.* A History of English Law. London, 1966. Vol. 6. P. 85.

² В Англии действовал в то время Юлианский календарь, согласно которому новый год начинался 25 марта. В XVII веке расхождение между Юлианским и Григорианским календарями составляло десять дней.

³ «The truth is Sir, the Kings of *England* are never in their glory, in their splendor, in their Majestique Sovereignty, but in *Parliaments*. Where is the power of imposing Taxes? Where is the power of restoring from incapacities? Where is the legislative Authority? Marry in the King, Mr. *Speaker*. But how? In the King circled in, fortified and evirtuated by his *Parliament*. The King out of *Parliament* hath a limited, a circumscribed Jurisdiction. But wayted on by his *Parliament*, no Monarch of the East is so absolute in dispelling Grievances» (The Lord Digbyes speech in the House of Commons to the Bill for trienniall Parliaments. Jan. 19. 1640 // The Speeches of the Lord Digby in the High Court of *Parliament*, concerning grievances and the Trienniall Parliament. London, 1641. P. 24).

лены там, или собственной персоной, или посредством того, что добровольно передали туда свои личные права»¹.

Описывая в своих трактатах организацию верховной власти в Англии первых десятилетий XVII века, английский теолог Чарльз Хёрл (*Charles Herle*, 1598–1659) называл ее смешанной монархией. «Англия — не просто *субординационная* или *абсолютная*, но *координационная* и *смешанная Монархия*, — отмечал он. — Это *смещение* или *координация* существует в *верховенстве* самой власти, иначе *Монархия* не была бы *смешанной*: Все *Монархии* имеют в себе *смещение* или структуру *подчиненных* и *нижестоящих должностных лиц*, но здесь *Монархия* или *высшая* власть сама *составлена* из 3 *равных друг другу* Корпораций (*Estates*), *Короля* и двух *Палат Парламента*; этой *смешанной* власти никакая *подчиненная* власть ни в каком случае не будет способна оказать *сопротивление*»².

В современной исторической литературе «смешанная монархия», существовавшая в Англии накануне революции 1640–1660 годов, понимается, как правило, в качестве государственного строя, при котором имело место смешение законодательной и исполнительной властей. В Англии же указанного времени под «смешанной монархией» понимался государственный строй, предполагавший слияние в единое политическое тело короля, Палаты лордов и Палаты общин. Именно такое понимание английской «смешанной монархии» показывали в своих работах английские правоведы и теологи конца XVI – начала XVII века при описании государственного строя современной им Англии. Следовал этому воззрению и сам английский король.

В 1642 году Карл I заявлял парламентариям: «Мы очень хорошо знаем великую и неограниченную Власть Парламента, но мы

¹ *Hooker R. Of the Laws of Ecclesiastical Polity // The works of that learned and judicious divine Mr. Richard Hooker with an account of his life and death by Isaac Walton. Seventh edition. Vol. 3. Oxford, 1888. P. 408–409.*

² «*England* is not a simply *subordinative*, and *absolute*, but a *Coordinative*, and *mixt Monarchy*; This *mixture*, or *Coordination* is in the very *Supremacy* of power it selfe, otherwise the *Monarchy* were not *mixt*: all *Monarchies* have a *mixture*, or composition of *subordinate*, and under-officers in them; but hereth *Monarchy*, or *highest* power is itself compounded of 3 *Coordinate Estates*, a *King*, and two *Houses* of Parliament; unto this *mixt* power no *subordinate* authority may in any case make *resistence*» (*Herle Ch. A Full Answer to a Treatise written by doctor Ferne, entitled The resolving of Conscience upon this Question, Whether upon this Supposition, or Case (the King will not defend, but is bent to subvert Religion, Lawes and Liberties) Subjects may with good Conscience make resistance. London, 1642. P. 2).*

знаем так же, что она такая только в том смысле, что Мы являемся Частью Парламента. Без Нас и вопреки Нашему Согласию, голоса какой-либо или обеих Палат вместе не должны, не могут, не будут (если Мы можем избежать этого ради блага Наших Подданных, так же как и Нашего собственного) запрещать что-либо, что является используемым по закону, или использовать что-либо, запрещенное законом»¹.

Существование в политической системе Англии наряду с единой — монархической в собственном смысле этого слова — власти института короля-в-парламенте, то есть королевской власти, соединенной с полномочиями парламента, неизбежно порождало проблему разграничения этих двух властей. Уильям Блэкстон (*William Blackstone*, 1723–1780) в первой книге своих «Комментариев к законам Англии», напечатанной первым изданием в 1765 году, различал их как власть законодательную и исполнительную. Верховная власть в Англии, писал он, «разделена на две ветви, одна — законодательная, а именно: парламент, состоящий из короля, лордов и общин; другая — исполнительная, состоящая из одного короля»². Подобная характеристика верховной государственной власти является слишком упрощенной для Англии середины XVIII века. К английской же верховной власти первых десятилетий XVII столетия она совсем неприменима. Различие между властью парламента или, точнее: короля-в-парламенте, с одной стороны, и единоличной королевской властью, с другой стороны, не было по своей юридической и политической природе различием между властью законодательной и исполнительной.

Английский парламент, состоявший из короля, лордов и общин, являлся не только законодательным органом. И не только представительным собранием, дающим своим решением юридическое основание для сбора налогов. Не был он и судебным орга-

---

¹ «We very well know the great and unlimited Power of a Parliament, but We know, as well, that it is only in that sense, as We are a Part of that Parliament. Without us, and against Our Consent, the votes of either, or both Houses together, must not, cannot, shall not (if We can help it for Our Subject's sake, as well for Our own) forbid any thing that is enjoyned by the Law, or enjoyn any thing that is forbidden by the Law» (His Majesties Answer to the Declaration of both Hovses concerning Hull. Sent 4. May 1642. London, 1642. P. 1–2).

² «With us therefore in England this supreme power is divided into two branches; the one legislative, to wit, the parliament, consisting of the king, lords, and commons; the other executive, consisting of the king alone» (*Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book the first. Oxford, M. DCC. LXV (1765). P. 142–143.*)

ном в обычном понимании такового. Его деятельность не сводилась к исполнению каких-либо отдельных функций, будь то: законодательная, судебная или финансовая. Английский парламент был органом не какой-то отдельной разновидности власти — законодательной или судебной: он был по своей природе институтом *власти вообще*, то есть политической власти как таковой. Этот характер английского парламента вполне отражается в тех названиях, которые он имел с первых лет своего существования. Самое распространенное среди них — «High Court of Parliament (Высокий Суд Парламента)» или просто «High Court». Скорее всего, под этим названием подразумевался в данном случае не судебный орган в обыкновенном значении этого слова, но способ принятия того или иного решения в рамках парламента, который был очень похож на судебную процедуру, предполагавшую состязание сторон, столкновение противоположных мнений и т. д. На эту мысль наводит, в частности, отсутствие определения к термину «High Court», которое указывало бы на характер дел, рассматриваемых в нем. Кроме того, следует иметь в виду, что судебные органы в Средние века выступали в значительной мере и как административные органы: вершить суд означало одновременно «управлять». И соответственно термин «court» употреблялся для обозначения административного органа с широким кругом самых разнообразных властных полномочий.

Отсюда не следует, что английский парламент вообще не выполнял никаких судебных функций. В ряде случаев он действовал именно как высшая судебная инстанция. Такая практика появилась во второй половине XIV века, после того как парламентариями было решено рассматривать дела о государственной измене высших должностных лиц не в каком-либо королевском суде, а именно в парламенте. Тогда же и стало употребляться название английского парламента «Высоким Судом (High Court)». Но распространенным оно сделалось, начиная с XV века¹.

Одной из функций английского парламента было рассмотрение выраженных в петициях жалоб частных лиц на те или иные нарушения их прав. Такая деятельность оказывалась по своему характеру близкой к судебной. Именно это имел в виду король Яков I, когда говорил в 1609 году: «Парламент является высочай-

¹ См.: Myers A. R. Parliament, 1422–1509 // The English Parliament in the Middle Ages / Ed. By Davies R. G. and Denton J. H. Manchester, 1981. P. 141–184.

шим судом правосудия, и поэтому наиболее подходящим местом для того, чтобы различные виды жалоб могли найти свое соответствующее разрешение»¹. Однако в 1605 году Яков I заявлял в своем выступлении перед парламентариями: «Этот Высокий Суд Парламента (High Court of Parliament)... есть не что иное, как Королевский великий Совет (King's great Council), который Король собирает или по случаю толкования, или отмены старых законов, или создания новых»².

О том, что парламент Англии был по своей природе институтом *власти вообще*, свидетельствует и его наименование «представительным органом всего королевства (the Body Representative of all the Realm)», а также «Великим Советом Королевства (Great Council of the Kingdom)». Оба эти наименования стали применяться к английскому парламенту с самого его возникновения.

В документах, отражающих деятельность парламента Англии в первые десятилетия XVII века, он часто обозначался одновременно всеми тремя своими названиями. Так, запись в «Журнале Палаты общин» от 19 марта 1603 года³, зафиксировавшая начало работы первого парламента короля Якова I, отмечала, что первоначальной заботой его величества было «воссоздать и обновить законы, жизнь правительства, с помощью величайшего Совета Королевства — Высокого суда парламента, который, будучи составленным из трех корпораций (представительного органа этого государства), был, по обычаю, и необходимым способом собран в городе Уэстминстере, примыкающем к городу Лондону, метрополии, или материнскому городу королевства»⁴.

Действуя как представительный орган и совет всего королевства, парламент Англии выполнял роль арены, на которой происходило согласование противоречивых интересов различных политических группировок английского общества. Вместе с тем развитие в первые десятилетия XVII века внутренней организации

¹ The Political Works of James I. London, 1616. P. 314.

² Ibid. P. 287.

³ По Юлианскому летоисчислению.

⁴ «His first care was to re-create and renew his Laws, the Life of Government, by the greatest Council of the Kingdom, the High Court of Parliament; which, being compounded of the Three Estates (the Body Representative of this Commonwealth) was, of Custom and in a Manner, of Necessity, to be assembled at the City of Westminster, adjoining to the City of London, the Metropolis, or Mother City, of the Kingdom» (The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 1. P. 139).

парламента вело к тому, что он брал на себя, пусть пока и в мало-заметной манере, некоторые функции исполнительной власти. Во второй половине XVI века в рамках обеих палат парламента начали создаваться специальные или «избранные» комитеты, предназначенные для обсуждения тех или иных конкретных вопросов. Правда, в то время они не усиливали роль парламента в механизме государственной власти, а скорее ослабляли ее. Через посредство этих комитетов королева Елизавета и ее советники могли с большей эффективностью влиять на ход рассмотрения различных государственных дел в парламенте. Отдельной группе парламентариев было легче навязать свою волю, чем всему их собранию. Решение же, принятое в специальном парламентском комитете, чаще всего определяло собой решение всей палаты парламента.

Однако происходившее в первые десятилетия XVII века совершенствование института специальных комитетов превратило их в фактор, способствовавший усилению власти парламента. Наряду с комитетами, создававшимися для выработки предварительного решения по какому-либо конкретному вопросу и состоявшим из небольшой группы парламентариев, — так называемыми «избранными комитетами (*select committee*)», в английском парламенте стали формироваться постоянные комитеты, предполагавшие участие в рассмотрении дел с правом голоса при принятии решения всех членов палаты. Они получили наименование «комитетов всей палаты (*committees of the whole House*)»¹. Обсуждение

---

¹ В журнале заседания Палаты общин, состоявшегося 3 ноября 1640 г., зафиксировано, что в этот день были созданы: Комитет всей Палаты по вопросам религии (*A Committee of the whole House for Religion*), Комитет всей Палаты по жалобам (*A Committee of the whole House for Grievances*), Комитет всей Палаты по Судам правосудия (*A Committee of the whole House for Courts of Justice*), Комитет всей Палаты по привилегиям (*A Committee of the whole House for Privileges*), Комитет всей Палаты по торговле (*A Committee of the whole House for Trade*) и др. «Эти Комитеты, — говорится в указанном журнале, — имеют полномочие запрашивать документы, книги, протоколы, бумаги, вызывать должностных лиц, участников и свидетелей; а также вызывать и заслушивать Советников; и должны сообщать Палате свои мнения и отчитываться перед ней о своей работе» (*The Journals of the House of Commons. London, 1802. Vol. 2. P. 21*). Они именуются в журнале «главными комитетами (*Grand Committees*)». Им предоставляется полномочие создавать в своих рамках субкомитеты. Так, например, в журнале заседания Палаты общин, состоявшегося 22 декабря 1640 г., упоминается «субкомитет, созданный ранее для рассмотрения обвинений университетов по предмету религии» (*ibid. P. 55*).

государственных дел в таких комитетах не подчинялось строгим правилам парламентской процедуры, поэтому в их рамках парламентарии имели возможность более глубоко вникнуть в суть той или иной проблемы. Влияние короля и Тайного совета на решения этих комитетов сводилось к минимуму. Таким образом, к началу революции 1640–1660 годов функции английского парламента далеко выходили за пределы полномочий чисто законодательной власти.

Столь же сложным по своей юридической и политической природе являлся институт единоличной королевской власти — *rex solus* или *king out of parliament*. Данный институт и в настоящее время нельзя отнести к категории только исполнительной власти. Не был он исключительно исполнительной властью и во времена Уильяма Блэкстоуна. Но еще более очевидным является это применительно к первым десятилетиям XVII века. Несмотря на то, что власть короля-в-парламенте считалась правоведами того времени «более великой», чем его власть вне парламента — как единоличного властителя, первая не могла ограничить вторую, не нарушив фундаментальных английских правовых принципов. Джон Финч (*John Finch*, 1584–1660) — Лорд-Главный судья Суда общих тяжб в 1634–1640 годах — говорил в 1637 году в своей речи на процессе по делу Джона Хэмпдена: «Акты Парламента могут убирать цветы и украшения Короны, но не саму Корону... Никакой акт Парламента не может лишить Короля его королевской власти, так чтобы никакие земли не держались бы от него, или же лишить его присяги на верность от своих подданных»¹.

Парламент Англии обладал огромной властью, однако созывался и распускался он по усмотрению короля, который действовал в этих случаях как единоличный властитель. Участник процесса 1637 года по делу Хэмпдена Роберт Беркли, занимавший в то время пост судьи Суда Королевской Скамьи, говорил в своей речи: «Я верю, что по фундаментальному закону *Англии* Парламент является *Общим Советом Короля и Королевства*, что он есть величайший, наиболее почетный и верховный Суд в Королевстве;

---

¹ «Acts of Parliament may take away Flowers and Ornament of the Crown, but not the Crown itself... No Act of Parliament can bar a King of his Regality, as that no Lands should hold of him; or bar him of the Allegiance of his Subjects» (A Complete Collection of State-Trials and Proceedings for High-Treason and other Crimes and Misdemeanours. Vol. 1. P. 687).

что ни один человек не должен мыслить чего-либо позорного о нем: однако позвольте мне сказать, это не более, чем *Совет*; сказать так — не значит опозорить его; Король может созывать его, приостанавливать его деятельность, распускать его по своему желанию; и что бы Король ни сделал в данном отношении, это всегда будет приниматься как справедливое и необходимое»¹. Очевидно, что в указанном случае король действовал не в качестве неотъемлемой части парламента, но как единоличный властитель — *rex solus*.

Таким образом, носителями верховной власти в Англии были накануне революции 1640–1660 годов политические институты, выступавшие одновременно в нескольких качествах, исполнявшие множество функций и опиравшиеся в своей деятельности на разные правовые системы. Очевидно, что подобная конструкция верховной власти уже сама по себе создавала предпосылки для острейшего политического конфликта между различными группировками правящего слоя. Столкновение между королем и парламентариями было при таких условиях неизбежным. Но при любом течении конфликта лучшим выходом из него оказывался компромисс. Взаимосвязь различных институтов в системе верховной государственной власти Англии имела такой характер, что разрушение одного из них неминуемо влекло за собой разрушение другого. Парламент не мог функционировать без королевской власти, но и король без парламента не мог действовать в достаточной мере эффективно. Подобная роковая взаимосвязь политических институтов пронизывала весь государственный строй Англии — с вершины и до самых оснований.

---

¹ «I confess, that by the fundamental Law of *England*, the Parliament is *Commune Concilium Regis & Regni*, that it is the greatest, the most honourable and supreme Court in the Kingdom; that no Man ought to think any dishonourable thing of it: yet give me leave to say so is no Dishonour to it: The King may call it, prorogue it, dissolve it, at his Pleasure; and whatsoever the King doth therein, is always to be taken for just and necessary» (A Complete Collection of State-Trials. P. 626).